

Доклад на Общественном семинаре Института философии РАН
14 декабря 2017 г.

Александр Рубцов
ИЛЛЮЗИИ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ
К концепции «диффузной» и «проникающей» идеологии

1. Методическая рефлексия. Контексты

Почему мы не начинаем с определений, хотя речь идёт о существенной переинтерпретации такого заслуженного предмета, как идеология. Ограниченность формально-логических дефиниций: альтернатива «дурной бесконечности» и «порочного круга» (когда понятие в конечном счёте определяется само через себя). Почему в данном случае для понимания концепции так важен анализ внешнего контекста. Возможности «контекстуального» определения значений и смыслов, с точки зрения логической семантики столь же законного, как в определениях «операциональных», «остенсивных» и пр.

Суть контекста: почему и в связи с чем мы говорим об идеологии именно здесь и сейчас. Различие интенций философствования: из спекулятивного саморазвития мысли – или от проблемы (философия как «смазывание поверхностей», «гуманитарная экспертиза» и пр.). В чем в нашем случае «актуальность темы» и «новизна ситуации». Что изменилось в стране и в жизни, что происходит на наших глазах и к чему все идёт. Как эти изменения влияют на выбор предмета и работу с ним. Как с этой точки зрения и с учетом такого контекста воспринимаются предыдущие посвящённые идеологии доклады Эриха Соловьева (в проблеме) и Вадима Межуева (над всем и всеми). И что в этом плане я думаю о себе и о том контексте, который, мягко говоря, окрашивает наше рассуждение о таком идейно заряжённом и политически сенситивном предмете как идеология.

2. Идеологическая идиосинкразия и мнимости идеократии

Потребность в критике расхожих и выработке существенно иных представлений о таком предмете, как идеология, задана кардинальными изменениями идеологического контекста в транзите от советской к постсоветской модели.

Что такое ограниченная, условная идеократия советского образца. Генсек как идеолог, секретарь по идеологии как второй человек в государстве, позиции идеологического отдела ЦК, место идеологии в политике, в самосознании общества и презентации страны, в её мировой экспансии. Идеология и революция в структуре мифа-основания государства.

Условность такого рода идеократии. Мнимости «власти текста» и скрытые реалии «власти над текстом». Реинтерпретации марксистско-ленинской идеологии в советской истории. «Расширенное воспроизводство» идеологии в социальном пространстве и историческом времени. Другая версия феноменологической социологии: интеграция через непонимание и «негативная герменевтика». Соккрытие мутаций смысла в истории идеологической системы: как можно прожить почти век с одной философией, когда другие за это время тестировали и сменили целый ряд парадигм. Мутации смысла «одной и той же» идеологии в социальной структуре: что было бы, если бы сознания

партноменклатуры, творческой и научно-технической интеллигенции и колхозно-пролетарских масс вдруг стали абсолютно прозрачны друг для друга в плане воспроизводства «одной и той же» идеологии. Раскол, если не социальный взрыв как потенциальное следствие неожиданного и функционально недопустимого, специально блокируемого «взаимопонимания».

Засилье идеологического в советский период и реакция на него. Насколько оскомины этого отношения сохраняется в нынешнем сознании как профессионалов, так и широких масс интеллигенции. Значение рефлексивного отношения к этой предыстории в понимании такого предмета, как идеология. Почему средний российский интеллигент хватается за револьвер при одном только упоминании об идеологии. Как можно и можно ли вообще в нашем контексте и с таким бэкграундом относиться к идеологии безоценочно и аналитически отстранённо. Необходимость автокоррекции.

3. Деидеологизация или мимикрия? «Другие» идеологии. Идеологическое бессознательное

Реалии деидеологизации с крушением советской модели. Деидеологизация концептуальная, политическая, организационная и практическая. Затакт «перестройки» и «нового мышления». Две ипостаси идеологического: о чем говорят и о чем не говорят («прореживание дискурса»). Что стало возможным в результате деидеологизации. Охват новой идеологической картины мира («история» и «география» концепций, включённых в обиход). Раскрепощение языка и «рынок идеологий».

Иллюзии и мнимости: идеологии не стало там, где мы привыкли её видеть – в атрибутах государства, системах её презентации и самопрезентации, в структурах ограничений и контроля. Однако остаётся ряд сомнительных позиций.

Иллюзия первая: «Мы отменили старую идеологию».

На самом деле, на этапе массовой деидеологизации были отменены: государственная монополия на производство, интерпретацию и распространение идеологии, основные практики контроля и идеологических репрессий, официальная идеологическая символика. Кроме того, идеология была демонтирована все же более как официальная риторика, система институтов и символов, чем как глубоко укорененная система идей и представлений. В сознании общества и в коллективном бессознательном, в толщах социальной жизни, в стереотипах индивидуального и массового поведения – везде остались глубокие метастазы. Идейная демобилизация – не издание декрета о роспуске идеократии, а долгая, трудная работа – интеллектуальная, нравственная, организационная, политическая. У нас же сделали, как всегда: с людей сняли униформу, но не отучили ходить строем, а идеологическое оружие роздали всем желающим, в том числе разного рода теоретизирующим экстремистским формированиям.

Иллюзия вторая: «идеология это ложное сознание, которое отменить можно».

Подобные представления в проектах деидеологизации навязаны той самой идеологией, которая противопоставляла «ложному сознанию» знание «истинное», якобы свободное от искажающей идеологичности. Однако уже в интеллектуальной ситуации конца XX в. эта жесткая альтернатива выглядела безнадежно устаревшей. Ряд фундаментальных методологических проектов показал, что эффект «теоретической веры» до конца не устраним даже из точной, позитивной науки, не говоря о знании гуманитарном и социальном. После афронта, случившегося со светлой идеей «наука –

сама себе философия», постклассическая методология относится к «идеологии внутри науки» не просто терпимо, но как к важной составляющей выработки, оформления и передачи знания. Что же касается постнеклассической науки, то ее вынужденный диалог с обществом (который теперь ведется не с позиций «священной коровы», но с претензией на равноправие и с требованием публичного оправдания необходимости и самой возможности тех или иных исследований) оказывается и вовсе идеологичным в самом банальном смысле этого слова. Наконец, любой антиидеологизм при строгом рассмотрении сам на поверку оказывается идеологией, часто весьма развернутой и основательно рационализированной (эффект Рудина про убежденность в полном отсутствии убеждений). На этом фоне идея изъять идеологию из общественной жизни и естественного, повседневного оборота сознания выглядит и вовсе утопичной.

Иллюзия третья: «Идеология – это вредное сознание, которое отменить нужно».

Здесь опять проступает знакомый образ идеологии как средства одурманивания одних другими в целях оправдания отношений господства, власти и подчинения. Однако представление об идеологии исключительно как о «сознании для другого» не учитывает не менее развитых практик внутреннего диалога, диалога с собой, когда индивид выступает одновременно и идеологом, но и объектом идеологической обработки. Такое сплошь и рядом имеет место, когда человеку необходимо идеологическое (рациональное, моральное, функциональное и т. п.) обоснование его же собственных действий или положений, когда он активно обрабатывает свое же собственное сознание. Такого рода индивидуальная потребность во внутренней рационализации в полной мере распространяется и на социальные группы, фрагменты массы и общество в целом. При этом провести четкую границу между рационализацией «истинной» и идеологическим заблуждением оказывается крайне трудно, а в теоретическом смысле – невозможно. Желание абортировать такие практики утопично, какими бы похвальными мотивами оно ни вызывалось.

Кроме того, без идеологии, нравится нам это или нет, немислимы многие базовые институты общества и государства. Без идеологии не только не воюет, но и в мирное время разлагается армия. Школа без идеологии не может даже разлагаться: в учебных текстах она неизбежно воспроизводит суррогат идеологии, даже если у самого государства этой идеологии нет и в проекте. Более того, даже если снять все откровенно идеологические высказывания, скрытая, латентная идеология проявится в самой фактуре текста – в корпусе имен и событий, примеров и иллюстраций (экземплификация), в повествованиях и интерпретациях (нарративы), наконец, в построении заданий. «Эффект Жданова» с идеологией в задачнике по арифметике.

Таким образом, деидеологизация требует, чтобы ее осуществляли хотя бы так и в той мере, как и в какой мере это вообще возможно. И не изображали идеологическое целомудрие там, где, на самом деле бурлит, пусть не всегда здоровая, но зато регулярная, активная, а главное неискоренимая идейная жизнь. «Отмена идеологии» – модернистский проект, еще в прошлом веке устаревший даже в качестве чисто интеллектуальной задачи. Либо общество имеет идеологию и работает с ней – либо идеология имеет общество как малорефлексивную массу. Значит, необходима иная модель присутствия идеологии в жизни общества, коль скоро оно не намерено поддаваться диктату в каких бы то ни было его проявлениях.

Если идеологии нет там, где мы привыкли ее видеть, тем более необходимо иметь в виду не только рационально оформленные, вербальные, дискурсивные формы идеологии, но также ее скрытые, вытесняемые, латентные формы, включая своего рода идеологическое бессознательное. Идеология сплошь и рядом более эффективно транслируется именно через образы, через средства управления настроениями, через эмоциональные каналы, подсказки действий и т. п. Причем это не обычная «социальная психология» и не простое вытесненное рациио, а именно идеологическое бессознательное, заставляющее человека вести себя так, «как если бы» он исповедовал определенные взгляды, имел определенные идейные понятия и представления, был носителем определенных идеологизированных убеждений. В отличие от обычных социально-психологических эффектов, такие понятия и представления могут быть задним числом рационально реконструированы внешним наблюдателем-аналитиком и прописаны в виде идеологии, «стоящей за кадром». Иными словами, человек может быть убежденным носителем идеологии, которую он вербально просто не выговаривает. Классический пример – «марксоидное» сознание.

Отсюда также вытекает необходимость более внятной интерпретации и своего рода идеологического обоснования введенного у нас конституционного запрета на огосударствление идеологии. Общество должно иметь на этот счет развернутые и внятные понятия и обоснования, а не лапидарные тезисы, текстуально переведенные в законодательные, более того, конституционные нормы. Но такие обоснования сами по необходимости окажутся идеологией – в данном случае идеологией деидеологизации, метаидеологией.

Наконец, из такого конституционного обязательства многое вытекает для идеологической жизни на частном («партийном» и «партикулярном») уровне. А именно: критерии для размежевания идеологий, лояльных в отношении данных норм и метаидеологических принципов, и идеологий, по сути своей антиконституционных, присутствующих в сфере идеологически легального только по недоразумению. Иначе в стране начинают открыто пропагандировать тоталитарные, профашистские идеи, тут же стеная об ущемлении свободы слова, нехватке эфира, моральном прессинге... и порой встречая при этом либеральное сочувствие.

4. Идеология как система идей и система институтов. Идеология «тневая» и «латентная», «диффузная» и «проникающая»

Если идеология непосредственно не видна, а точнее, гораздо менее наблюдаема на поверхности политической и социальной жизни, но при этом не исчезла, остается вопрос: куда она перемещается, под что мимикрирует и в чем перевоплощается.

Убогость попыток возродить подобие идеологического отдела ЦК через Минкульт, вставки в Концепцию государственной культурной политики и пр. Но вместе с тем...

Работа тневой идеологии на примере эффектов ресталинизации: прямого участия государства практически нет, но есть тенденция и суммарный эффект, и ошибочно думать, будто государство тут вовсе не причём. Аналогичные эффекты в системе образования. Где та инстанция, которая регулирует идеологические тенденции, например, в системе Минобрнауки?

Все эти вопросы заставляют иначе смотреть на саму онтологию идеологического и ареалы его существования. Здесь куда более адекватными оказываются «диффузные»

представления об идеологии по аналогии с диффузной и не всегда видимой властью у Фуко. В этих представлениях идеология максимально активна вовсе не в тех своих ипостасях, в которых она сама себя показывает и манифестирует. Это совсем другие, скрытые формы идеологических активов и инвестиций.

В привычном понимании идеология это нечто такое, что сначала создаётся идеологами, а потом впечатывается в мозги, насквозь промываемые гигантскими «мегамашинами мысли». Это редукционизм, и снимается он анализом проникающих и одновременно порождающих свойств идеологии, не столько монтируемой в головы готовыми блоками, сколько репродуцируемой и продуцируемой, впитываемой и выделяемой пористыми телами сознания. Иначе нельзя понять, каким образом фанатизм нагнетается в отсутствие идей, а мирные потребители, измученные десятилетиями идейных домогательств, вдруг впадают в бешенство мозга на почве мировоззрения.

Идеологического в этой жизни гораздо больше, чем кажется, при этом количественное расширение картины меняет качество понимания её целого и фрагментов. Особого рода «метафизика» маркирует как собственно идеологию, так и места её притяжения. Более емкая систематика включает предмет в объемлющую конфигурацию прочих, связанных форм сознания и социальной организации. Идеологическое обнаруживает себя в самых неожиданных критических зонах, в том числе в тех, что в теории и аналитике чаще описываются как пространства эмансипации – уклонения от идеологии и даже противостояния ей.

Отсюда иллюзии и обречённость радикальной деидеологизации не только в политике, но и во всей топологии «обиталищ сознания». Как выясняется, «храмы» рационального знания и свободного творчества не только не защищены от проникновения, но и сами генерируют идеологию, в том числе с политикой не связанную.

Далее в диффузной логике оказывается, что и сама культура, может так же диффузно проникать во все прочие сферы.

Чаще всего культуру понимают примерно так же, как политику, власть или идеологию – как нечто локализованное в своих пределах. Здесь все «рядом друг с другом»: экономика, политика, идеология, культура, знание, философия. Однако культуру вовсе ни к чему понимать так узко и номинально – как то, чем занимаются её деятели и ведают соответствующие ведомства. В живом языке не случайно есть понятия политической, правовой, предпринимательской, исследовательской и т.п. культуры. Этими «отраслевыми» культурами никто специально не занимается (они всегда «между»), отсюда такой результат.

Точно так же можно говорить об особой, собственной «политике культуры», которая часто радикально отличается от «культурной политики» государства (администрации) и даже находится с ней в состоянии войны. Что мы сейчас и наблюдаем и в чем по мере сил участвуем.

Если формула «культура и...» не вполне корректна, то также в определенном смысле не всегда корректны формулы «идеология и политика», «идеология и наука», «идеология и искусство» и пр. В одной из своих ипостасей идеология, несомненно, локализована, но это не отменяет её диффузного, проникающего присутствия «везде», что особенно принципиально в ситуациях, подобных нашей.

И наконец, самое интригующее: взаимоотношения идеологии и философии – в целом и в плане схождения диффузных моделей. Здесь тем более нельзя обойтись без

собственных, конституирующих спецификаций идеологического. Их можно попытаться сформулировать на основе понимания идеологии как «веры в упаковке знания».

5. Конституирование по Шмитту: идеологическое в оппозиции «вера – знание». **Идеология как нарцисс**

Приближение к сути проникающей идеологии даёт модная теория политического, от Карла Шмитта и его интерпретаторов.

Главное откровение «ужасного юриста» – конституирование политического на его собственных уникальных основаниях. Подобно тому, как науку конституирует оппозиция истины и заблуждения, этику – добра и зла, эстетику – прекрасное и безобразное, экономику – выгода и потери, политику, по Шмитту, конституирует дихотомия «друг – враг», причём в её радикальном варианте: на уничтожение.

Отсюда логически вытекает вариант такого же конституирования и идеологии – на основе собственной оппозиции. Ранее в качестве рабочей уже вводилась дефиниция идеологии как «веры в упаковке знания». Оппозиция «вера – знание», выглядит достойным аналогом оппозиции «друг – враг» и, говоря теоретически, может быть опробована в качестве базовой для спецификации идеологии и продолжающей ряд таких дихотомий, как «добро – зло», «истина – заблуждение» и т.п.

Но в данной оппозиции вновь возникает проблема симметрии – асимметрии: что ближе к сути идеологического – вера, маскирующаяся под знание, или же знание, которое имплементируют через веру? Иными словами: идеология это прежде всего наукообразное суеверие – или все же и особого рода «суеверная наука», знание, индоктринируемое без критики источников, контента и логики, принятой в нормальной науке?

Диффузная модель помогает отказаться от логики этой типично бинарной оппозиции в пользу модели континуального перехода. В реальных отношениях не существует в отдельности веры или знания, то есть знания без веры и веры без знания. Это всегда единый сросток знания-веры, подобный магниту, сохраняющему полюса, как бы его ни пилили. В самом же континуальном переходе в разных его точках обнаруживаются разные пропорции сочетания знания и веры. Если рассматривать диффузию идеологии, например, в науку или религию, то здесь существуют явно противоположное тяготение, хотя полюса чистого знания и чистой веры и там, и там есть не более чем предельные идеализации (как пустые множества).

В научной аксиоматике и метафизической догматике науки всегда есть качество «кредо» – верую. В религиозной догматике, наоборот, «кредо» всегда содержит ересь знания или потребности в нем. Собственно, максимализм формулы «Credo quia absurdum», как раз и отражает качество предельного суждения, обращающего в ноль претензии докетов или гностиков. Но точно такое же качество присутствует, например, в идеологии произведения или художника – в этом особом «кредо» художественной концепции, эстетики или вкуса. Максима «О вкусах не спорят», по сути, лишь повторяет религиозные формулы «достоверно, ибо нелепо», «несомненно, ибо невозможно» и пр.

Разные позиции в этом континуальном переходе занимают не только формы сознания, но и разные их модификации. Если наука и религия тяготеют к разным полюсам знания и веры, то по таким критериям по-разному локализованы и разные науки, и разные религии – в систематике и в истории, в синхронии и диахронии. Диспозиция рации и

«кредо» по-разному воплощается в разных искусствах, в разные эпохи, в разных стилях и произведениях, у разных авторов на разных этапах их «творческой биографии».

Ещё более очевидны сильнейшие различия в комбинациях веры и знания в разных идеологиях и в разных политиках. Это сейчас особенно нуждается в исследовании в связи с радикальной реидеологизацией политики и общества, резко ускорившейся примерно с 2010 года на гребне провала так и не начавшейся модернизации. То, что раньше «заливали деньгами», сейчас больше заливают идеями и страстями, а это и есть тот самый вышеописанный спектр идеологического.

В связи с этим с особой остротой встаёт проблема политического нарциссизма. Идеология как «страстная аксиоматика» и без того нарциссична по определению. Но и здесь есть свои градации, на одном из полюсов порождающих нарциссизм уже не просто патологический, но и злокачественный. Здесь в полной мере работает типовая симптоматика НРЛ (нарциссического расстройства личности): мегаломания, резко завышенные представления о собственной значимости, фиксация на грандиозности и всемогущественности, потребность в восторженном признании, ноль эмпатии, грубо инструментальное отношение к другим, взрывы нарциссического гнева и нарциссической ярости (в пределе – нарциссического садизма) при малейших покушениях на собственные идеалы и идеальность. Плюс резкие сдвиги с спектре «вера – знание» в сторону некритических идеализаций и переносов.

Все эти теоретические построения приобретают смысл прежде всего в оперативной аналитике и прямом участии в идеологических процессах.